

Театр имени Горького

Большой драматический театр им. М. Горького начал московский показ своих работ пьесой Горького «Дачники».

«Дачники» — это спектакль не просто хорошо поставленный (постановщик нар. арт. РСФСР В. А. Вабочкин), крепко сжженный, приятно оформленный (художник А. Ф. Восулаев). «Дачники» — это спектакль, в который вложено все, кто его создавал, много любви, и любовь к искусству театра есть творческое видение и мысли и замыслы автора, есть теплые единение в общем творческом помысле.

Театр ставил себе строго определенную задачу: «Донести до ометенного зрителя все богатство художественных образов Горького и всю силу его замечательного литературного языка».

Эту задачу он решил: спектакль превосходно смотрится и отлично слушается. Не оамое ценное в спектакле Большого драматического театра — это то, что он без явных усилий, без режиссерской указующей пальочки, показывает зрителю, что надо здесь видеть в пьесе Горького и чему следует пристально внимать.

Когда-то буржуазные критики усердно обвиняли Горького в том, что «Дачники» — это разговор в четырех действиях. Эти обвинения кажутся извором для тех, кто смотрит «Дачников» в ленинградском спектакле. В пьесе нет пресловутых разговоров: в ней есть жуткий маскарад «дачников», желающих, чтобы их приняли за хозяев жизни; их слова, речи, монологи, стихи — все это словесные костюмы, маски, маски, гримы для маскировки.

«Вот никогда я не видел, как господа представляют», — замечает сторож Кропилькин, расставляя скамьи для репетиции любительского спектакля. А другой сторож Пустобайка (его превосходно изображает артист М. Л. Маслин) угрюмо и умио обоняет: «Счаще просто: нарядиться не в свою одежду и говорить... разные слова, кому какие приятно... Кричат, суетятся, будто что-то делают... Ну, обманывают друг дружку. Один представляется — а, дескать, честный, другой — а я умный... или там — я-де несчастный... Кому что кажется подходящим... он то и представляет».

В этих простых, остротных словах замеченого жизнью человека выделено самое точное изображение того жизнедеятельности, которое показано в «Дачниках», и дана самая лучшая характеристика его участникам. Все, что они делают на сцене и за сценой, — это спектакль «представлений», плетов, любительское представление.

«Один представляется — я, дескать, честный», Тук «представляется» доктор Лудаков (Н. Н. Корчев): тупой мешанин, он,

«ДАЧНИКИ» и «ПАРЬ ПОТАП»
в ленинградском вольтском
драматическом театре им. Горького

кажется, вот-вот задекларирует про себя добродетельные стихи: «Милый друг! Я умираю оттого, что был я честен... А на самом деле, он не умирает, а жив-живехонек со своей кошкой, многозначной подругой (А. П. Пакова).

«Другой — а я умный...». Это маскарадный костюм и грим литератора Шалимова (Л. Я. Полевая); а на деле, он — застенчивый и влюбленный о пером в руке, испуганный тем, что новый демократический читатель, народившийся в преддверии накануне 1906 года, знает не хочет его жизни. В той же маске и костюме превращая к «толпе» цингелая милая поэтесса Калерия (А. В. Никитина).

«Или там — я-де несчастный». Можно не пазнать, что это Рихмонд, ошущающийся, как о большой мольбозе, о «мировой скорбью» карманного размера (К. К. Михайлов).

Эти люди до конца не хотят спять своих театральномаскарадных костюмов; они знают: если они их снимут, они окажутся «нечистыми».

Другие персонажи «Дачников» — адвокат Васов (В. А. Меньшиков), инженер Сулов (В. Я. Софроню), помощник Васова Замыслов (К. Л. Рутинский), наоборот, легко снимают о себя «подходящие» костюмы культуртрегеров и открыто выявляют о своих жизненных аппетитов и паотоянных возделованиях. В. Я. Софроню — мастер емкой характеристики, сжатый, но полнопонимая маляков, и тем пазобличительной звучит у него исповедь Сулова.

«Я — обвинитель — и больше ничего!» Вот мой план жизни. Мне нравится быть обвинителем. Я буду жить, как я хочу! И, наконец, залпавать мне на выпли рассказываю... признаюсь... идею».

Этот пазев в лицо мысли, теоти, совести, объективному долгу взрывает в пьесе Горького все «шту ветхого маскарада», которую заняты «топота дачники», мнящие себя хозяевами жизни.

Злые огни пробегает в глазах Юлии (О. Г. Казанко): она не уйдет на маскарада дачников, но она ненавидит его участников, она о тоскующий наявности шепчет волад тем, кто, покинув дачников, уходит искать настоящих хозяев жизни: «Ах, если б я и могла уйти!». А уходит молоте. Давно ушла врач Мария Львовна (Л. М. Волынец); уходит дерзкий и смелый Влао (Г. И. Самойлов) и его сестра Варвара (В. Т. Киридина). Куда они

уйдут? далеко ли? Когда Горький создавал их образы, он был, стеснен цензурой, он не мог взглянуть вместе с дочерью Марии Львовны Соней (В. А. Ооскина), Власом и Варварой, далеко в их путь. Он мог только намекнуть, что путь этот ведет к берегам новой жизни. Ленинградские исполнители вкладывают в эти роли столько живой, деятельной, жокерной устремленности, что хочется верить, что эти новые берега — те самые, на которых строится наша жизнь.

А умный старик о глухой фамилией Двоеотчие (Г. М. Мичурин) сочным, жаднорадостным смехом напутствует уходящих: куда их предут, все лучше, чем осталось навсегда дачниками. Ибо кто такие «дачники»?

«Дачники, — заключает Пустобайка, философ из сторожей, — все одинаковые... Они... вроде как в вензела тушеры на дум... закончат и молчат... закончат и молчат».

Звучат приговором слова того же сторожа: «Или, как называли введе. Только клам да сорье остается покое вас. Только землю портите». Этот приговор пронанесен над «топота дачниками» 30 лет тому назад. Ныне история пришла его в исполнение: она вымела их, как человеческий сор.

Вот какую большую правду выносит зритель на спектакли «Дачников», показанного ленинградским театром.

И то же чувство освобожденной жизни, раскрепощенного бытия выносит он из другого спектакля этого театра, поставленного тем же В. А. Вабочкиным — из драмы молодого драматурга А. Колкова «Парь Потоп». В Ленинграде эта драма идет в двух театрах (кроме театра им. Горького) — еще в Ленинградском драматическом, в Москве — ни в одном.

Драматургия Горького наложилась ясный отпечаток на пьесу Колкова. Именно Горького избрал себе учителем молодой автор. У Горького учился он рассказывать правду жизни, просто и смело показывать реальные отношения своих героев.

Все это — от Горького, но не по Горькому. При всем уважении автора, пьеса написана о большой долей самостоятельности. Действие пьесы Колкова происходит в 1918 году, в семье деревенского богача, выпавшего на отруб о закону, которым Столыпин разрушал крестьянскую общину, стремясь разложить в деревне возможно большее количество кулаков. Сюжет, как видно, очень далек от трудов и дней нашей современности. Но следует помнить, что Горький не написал ни одной пьесы, непосредственно, по сюжету, связанной с нашей действительностью — и тем не менее все его пьесы глубоко по-современному волнуют

«Парь Потоп» А. Колкова в Ленинградском вольтском драматическом театре им. Горького. На снимке заслуженный артист РСФСР В. П. Полещенко и роль Потопы Урлова

советского зрителя. То же самое отличает и пьесу Колкова: «Это не только пьеса о царской деревне в эпоху столыпинщины, — как верно подчеркнул постановщик В. А. Вабочкин. — Это живой рассказ о растлевающей власти денег над человеком, о хищнических инстинктах собственника, в конце извращающих человеческую психику».

«Рассказ» — это верно и неверно: Колков — не рассказчик, а драматург; три акта его пьесы насыщены стройно и в то же время стихийно развивающимися действиями, вбирающим в себя всех действующих лиц до единого; но по жадной до достоверности событий, по прямой правдивости течения жизни пьеса Колкова действительно похожа на бесхитростный рассказ очевидца, ценный своей непосредственностью.

Потопыновский сумел сохранить в спектакле этот характер непосредственности, полноты той жизни, которую автор запечатлел в своем драматическом рассказе; он не театрализовал ни страстей, ни хищных возделений, обуревающих «Паря Потопы» — кулака Урлова и его семью. В. П. Полещенко держит, по выражению Лескова, «все страсти в себе» у царя Потопы, и только в двух-трех случаях допуская их шумный взрыв; талантливый артист не боится показывать в Потопе сильный характер, горкий ум, не-

насыщенную жажду деятельности, но чем бесстрашной равнорачивает артист целые пласты жизненной «добротности», полученной этим человеком от природы, тем яснее видно, в какую алую переработку пошла вся эта природная доброта у Потопы! В какую хищную форму отдалась вся эта недюжинная воля! В какую волю хвату превратилась эта зоркость ума, эта целостность рук!

Рядом с «Парем Потопом» — его «Паря», его жена Катерина. В. П. Полещенко, играющая Катерину, не боится показывать ее материнские слезы, не боится ее горькую бабью долю: быть битой и избитой. Но и у нее есть, когда надо, мягкий ход волнцы, опасливо прилаживающийся ко всему, что грозит неприятному благополучию ее стаи.

И вот она эта — волнцы род «Паря Потопы» — показана она подчеркиванием «волнцы натурой». Глуховаты Степка (А. П. Москвин) с женой Феклой (В. П. Романова); откровенно хамоват «цивилизованный» Павел (Г. И. Самойлов); столь же откровенно расхвату с бестолком гулящий Мишка (М. В. Иванов); дурашливый до отовости дедка Люба (Ю. О. Вломенфельд); забавно ступаты Сашка о Машкой (М. А. Приван-Соколова и Н. П. Пурцвая) — в них нет и признаков чего-либо волнцы: Волком, застреленным, измученным, но смелым волком смотрит только один неудачник Константин (А. Ф. Чепурнов), да бестолковый «волнцы» сток-роем изредка отывается о печи столетний дед Эраст (Н. П. Кузнецов). Все — люди, как люди. Но вот случается, что тяжело отрывалось, неоподоб челку из-зами глуховаты, работающий Степка — в чинный кобной «вороте» царя Потопы с теплыми слезами у образов лампадками вдруг оказавшись темной, сиротной волнцы мой; валилась влюбленным лям под стал, задалась схватка не на жизнь, а на смерть, полетели ключа шероти, клоки мяса. Ум и глупость, хамство и молодечество, неселость и материнство, гордость и сиротность — все превратилось в один сплошной волнцы рык, вой, визг, в сплошную мерзкую хвату. Человека и след простыл.

Борьба за человека не кончена: человеческое в человеке олимпий драгоценное сокровище, чтобы у него не было вралов, воров и расхитителей. Это борьба за человеческое в человеке жезде воль Горький. Новый драматург принимает к фланге борцов за прекрасное «человеческое», выявленное к жизни Горьким, а театр имени Горького поддерживает его в этой борьбе.

Да спектакли Ленинградского вольтского драматического театра достойны того имени, которое он имеет честь носить. В них есть то, что больше всего ценил Горький в искусстве: в них есть правда жизни и упорная вера в то, что человеку еще предстоит быть человеком.

С. ДУРЫИИ